

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ БАЛТИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Р. Х. Симонян

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию: 24.03.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-9
© Симонян Р. Х., 2022

В современном мире насчитывается более 20 млн наших соотечественников, проживающих за пределами России, и, как показывает миграционный тренд, их численность в ближайшей перспективе будет возрастать. Особое место в российском зарубежье занимает русскоязычная диаспора в странах Балтии. Латвия, Литва и Эстония в течение длительного исторического периода составляли с Россией единое государство, что не могло не оказать воздействия на становление этих стран как субъектов международной политики. С мая 2004 года страны Балтии входят в состав Евросоюза. Таким образом, наряду с Финляндией они составляют приграничное пространство Евросоюза с Россией, что определяет их особую геополитическую роль на европейском континенте. В этом контексте в статье рассматривается русскоязычная диаспора стран Балтии: обосновываются факторы ее устойчивости и сохранения в этом регионе Евросоюза русского культурного ареала, проводится анализ социально-экономического и правового положения различных групп русскоязычных жителей, выявляются особенности их идентификации, оцениваются перспективы развития диаспоры.

Ключевые слова:

русско-евросоюзское приграничье, русскоязычная диаспора, факторы устойчивости и развития

Введение

Рост миграционных процессов в современном мире вызывает необходимость их научного осмысления. Изучение русских диаспор, численность которых составляет более 20 млн человек и постоянно увеличивается¹, составляет часть общемировой тенденции исследования диаспор. В то же время состояние и перспективы русских диаспор — малоизученная тема. Ни на государственном (через институты Россотрудничества, фонда «Русский мир» и др.), ни на академическом уровнях полноценные комплексные исследования русского зарубежья не проводятся.

В силу географических, культурно-исторических, политических и экономических причин такие исследования в странах Балтии являются весьма актуальными в отношениях Россия — Евросоюз. Помимо русских в эти страны мигрировали представители других этносов Советского Союза [1, с. 151]. Общим для мигрантов был русский язык, поэтому вместо неприемлемой ныне категории «граждане СССР» используется категория «русскоязычные». Это более точно представляет диаспору, так как русский язык — это также и средством освоения русской культуры. К этому

¹ Россия в цифрах. 2019, 2020, Краткий статистический сборник, 2020, Росстат, с. 81.

Для цитирования: Симонян Р. Х. Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 144–157. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-9.

можно добавить, что в принимающей стране мигранты из бывшего СССР — украинцы, белорусы, татары, евреи и представители других этносов — воспринимаются местным населением как «русские».

Русскоязычная диаспора в странах Балтии не столько этнический, сколько социокультурный феномен, в котором русские выступают, можно сказать, «диаспорообразующим» этносом. Этот феномен в контексте постсоветской политики в Прибалтийских странах понимается как выражение общности различных этнических групп с Россией. Его политическое содержание проявляется в том, что среди лидеров русскоязычной диаспоры нет доминирования русских. Так, протестные акции в Латвии против запретов школьного обучения на русском языке возглавили представители других этносов — Я. Плинер, В. Линдерман, депутат Сейма Б. Цилевич, депутат Европарламента Н. Жданок. В Эстонии защитой прав русских активно занимаются В. Полишук, Х. Барабанер, И. Розенфельд, Р. Григорян, депутат Европарламента Я. Тоом.

Русскоязычные жители прибалтийских государств представляют собой классическую диаспору, подробно описанную в научной литературе [2—8].

Демографическое и пространственное измерение устойчивости диаспоры

К моменту распада СССР в декабре 1991 года из 7,9 млн населения Прибалтики русские составляли 1,46 млн, то есть 18,3 %. После вступления в Евросоюз в Прибалтике, как и во всей Восточной Европе, резко возросла эмиграция в страны Западной Европы. Особенно подстегнул этот процесс кризис 2008 года — прибалтийские республики покинуло около 20 % жителей трудоспособного возраста, и этот процесс продолжался до начала пандемии. Так, в 2018 году население Латвии сократилось на 7,6 % (1-е место по этому показателю в ЕС). При этом этнический фактор не имеет значения: трудовую миграцию составляют представители как титульных, так и нетитульных этносов. Общими являются и демографические потери.

По сравнению с советским периодом население Эстонии уменьшилось на 16,2 %, Литвы — на 26,8 %, Латвии — на 29,3 %, что дало основание литовскому экономисту П. Гилису так охарактеризовать демографические процессы в Прибалтике: «это уже не эмиграция, а эвакуация» [9, р. 359].

Численность населения Прибалтики за постсоветский период снизилась до 6 млн человек, из которых русские составили 1,07 млн, то есть 17,6 %. Произошло сокращение русскоязычного населения: в Латвии — с 47,6 до 37,5 %, в Литве — с 20,2 до 15,3 %, в Эстонии — с 38,5 до 31,4 %. Но если учесть численность военнослужащих ПриБВО и членов их семей, покинувших страны Балтии к началу 1996 года, то доля русскоязычного населения за прошедшие 30 лет практически не изменилась — это свидетельствует о прочности его позиций в этом стратегически важном для России регионе.

В последние годы происходит рост эмиграции из России. Так, по данным Росстата, если в 2010 году на постоянное место жительства в Прибалтику из России переехали 498 человек (139 — в Латвию, 153 — в Литву, 206 — в Эстонию), то в 2018 году — 2516 (1024 — в Латвию, 625 — в Литву, 867 — в Эстонию)². Эмиграция русскоязычных в Прибалтику растет и из других бывших республик СССР.

Для устойчивости диаспоры большое значение имеют формы расселения. В Прибалтике русскоязычные обладают внушительными территориальными базами. В Латвии — это Рига, где латышей 45 %, остальные 55 % — русскоязычные: русские — 38,2 %, белорусы — 3,9 %, украинцы — 3,4 % и др. Второй город по

² *Россия в цифрах. 2019, 2020, Краткий статистический сборник, 2020, Росстат, с. 81.*

величине — Даугавпилс — самый русский город в Латвии: русских — 53,6 %, латышей и латгальцев — 19,8 %, поляков — 14,2 %, белорусов — 7,4 %. В Лиепае латышей — 59 %, Елгаве — 58 %, Вентспилсе — 57 %, Юрмале — 53 %, Резекне — 47 %, Саласпилсе — 42 %.

В Литве — это Клайпеда, третий город по величине, где этнические русские составляют 19,5 % населения, в также такие города, как Висагинас (52 %), Зарасай (23 %), Пабраде (18,5 %), Душштас (17 %), Григишкис (16 %). В самом Вильнюсе литовцы составляют 63,5 % населения, поляки — 16 %, русские — 11,9 %, белорусы — 4,4 %, украинцы — 1,5 %.

В Эстонии третий по численности населения уезд — Ида-Вирумаа (137 тыс. жителей) на 83 % состоит из русскоязычного населения. Здесь находится третий по величине город Нарва, где русских 86 %, а русскоязычных — 95 %. Русскоязычными являются и другие города уезда: пятый по количеству населения город Эстонии Кохтла-Ярве (80 % — русские, 15 % — эстонцы), Силламяэ — второй по величине морской порт Эстонии (87,5 % — русские, 4,8 % — эстонцы), из 16 тыс. жителей города — 8,5 тыс. являются гражданами России. В городе Маарду, где расположен самый крупный грузовой порт Эстонии, эстонцев менее 25 %. Еще один портовый город Эстонии — Палдиски — также русскоязычный, эстонцы в нем составляют 32 %. И наконец, Таллин, 43 % населения которого составляют русскоязычные (36,5 % — русские). Крупнейший район Таллина — Ласнамяэ (119 тыс. чел.), в котором русскоязычные составляют 75 % населения (русские — 65 %), а эстонцы менее 25 %. «Ласнаград» — так называют горожане этот район, который в этническом плане можно сравнить с Московским форштадтом — районом в центре Риги, где с XVIII века селились русские купцы и ремесленники.

В Причудском регионе (города Калласте и Муствеэ, волость Пейпсиаре) компактно проживают русские старообрядцы, переселившиеся на территорию Эстонии еще в XVIII–XIX веках. В Тарту — втором по величине городе Эстонии — доля русскоязычных составляет около 20 %, в том числе военных пенсионеров, для которых в советское время были построены несколько домов в городском районе Пуйэсто.

Таким образом, для русскоязычной диаспоры, составляющей значительную долю населения стран Балтии, характерно компактное проживание, прежде всего в крупных промышленных городах и стратегически важных территориях. Это кардинально отличает ее от дисперсно расселенного русскоязычного зарубежья в других регионах мира, которое несмотря на численный рост не имеет потенциала для формирования долговременных и жизнеспособных диаспор. Исторический опыт это подтверждает. Дисперсное расселение 2,7 млн российских граждан (белая эмиграция), образовавших в начале 1920-х годов в Европе и Америке многочисленные диаспоры, привело к тому, что уже через два поколения этнические русские практически полностью растворились в титульных этносах. Противоположный пример представляют 7 тыс. русских старообрядцев — духоборов, эмигрировавших в конце XIX века в Канаду, где они компактно поселились в провинции Саскачеван. Сегодня в Канаде уже более 30 тыс. духоборов, сохранивших и русский язык, и национальные традиции [10, р. 95].

Культурно-исторические факторы устойчивости диаспоры

Прибалтийские республики — это малые страны, в которых численность титульных и нетитульных этносов представляют собой однопорядковые величины. В Литве это соотношение 79:21, в Эстонии — 68:32, в Латвии — 63:37. Соразмерность двух основных языковых групп дает основание классифицировать страны Балтии как двухобщинные государства, что является основополагающим фактором, препятствующим этнической ассимиляции.

Устойчивость российской диаспоры в странах Балтии определяют и многие другие факторы, прежде всего исторический. Русские начали осваивать прибрежные территории Балтики с XI века, когда Ярослав Мудрый в 1030 году основал город Юрьев (Тарту). В XIII—XV веках русские составляли значительную часть населения Великого княжества Литовского и Русского (в российской историографии — «Западная Русь»), сборники государственных документов которого — Статут и Метрика — были напечатаны на церковнославянском языке. В XVI веке большинство родовитых бояр (русская элита тех времен) во главе с князем Андреем Курбским эмигрировали в Литву, спасаясь от репрессий Ивана Грозного. В XVII веке после раскола церкви начинается массовый исход русских старообрядцев в Прибалтику, которые с тех пор являются там автохтонным населением [11]. С начала XVIII века после победы Петра I в Северной войне Прибалтика в течение 200 лет была частью Российской империи. Наконец, в XX веке более 50 лет она входила в состав СССР. Все это нашло отражение в исторической памяти россиян, в том числе в закрепившемся еще с XIX века словосочетании «русская Прибалтика», ставшем важным элементом российского общественного сознания [12; 13].

Показатель устойчивости диаспоры — масштаб ее представительства в принимающем обществе. Русские жители Прибалтики всегда отличались высокой развитостью общественных институтов [14; 15]. Сегодня это 46 общественных объединений в Латвии (в том числе Русская община в Латвии, имеющая консульский статус при ООН³, Ассоциация русской культуры, образования и науки «АРКОНА», Ассоциация проживающих в Латвии ветеранов войны в Афганистане), 35 общественных объединений в Эстонии (в том числе Ассоциация российских граждан Эстонии, Таллинское объединение российских соотечественников, Нарвское объединение российских соотечественников, Союз ветеранских организаций Эстонии), 29 общественных объединений в Литве (в том числе Союз русских Литвы, Ассоциация «Русский дом», Клайпедское русское общество «Лада».)

Важнейший фактор консолидации — это духовная жизнь диаспоры, необходимым элементом которой становится историческая память. Огромную роль в сплочении русскоязычной диаспоры приобрел день 9 Мая, отмечаемый в странах Балтии торжественно и многолюдно. С особым размахом это происходит в Латвии. Так, практически вся площадь у памятника освободителям Риги в этот день покрыта цветами. Этот масштабный акт солидарности производит сильное впечатление.

В Прибалтике русская культура имеет глубокие корни, что выступает основой для деятельности многочисленных культурных центров [16]. Важная роль в укреплении духовного единства диаспоры принадлежит русской театральной культуре. В странах Балтии она имеет давно сложившиеся традиции [17].

Помимо регулярных гастролей ведущих театральных коллективов из России многие десятилетия в Прибалтике работают постоянные театральные коллективы. Русский театр в Вильно, основанный в 1864 году, просуществовал до Первой мировой войны. Современный русский театр Литвы работает с 1946 года. Русский театр в Риге ведет свою историю с 1883 года, а с 2006 года носит имя Михаила Чехова, который в 1930-е годы был его главным режиссером. Русский театр Эстонии в Таллине начал работать с 1948 года, но еще раньше — с 1928 по 1940 год — русский театр функционировал в Нарве. Все они занимают уникальные по архитектуре здания, расположенные в центре столиц. В Таллине проводится ежегодный театральный фестиваль «Золотая маска» с участием приезжающих из России лучших театральных коллективов [18].

³ Экономический и Социальный совет ООН — один из главных ее органов, координирующий сотрудничество в экономической и социальной областях.

Основной элемент любой культуры — язык и религия [18, с. 116]. Православие в странах Балтии представлено многочисленными храмами и монастырями. Кафедральный Пречистенский собор в Вильнюсе, сооруженный в 1348 году русскими зодчими по образцу собора Святой Софии в Киеве и являющийся одной из древнейших христианских святынь Литвы, стоит в центре города. Так же в центре находятся построенные в XIX веке кафедральный собор Рождества Христова в Риге, расположенный напротив Дома Кабинета министров Латвии, и кафедральный Александро-Невский собор в Таллине, находящийся в Вышгороде напротив парламента Эстонии.

Еще один фактор устойчивости российской диаспоры в Прибалтике — ее географическое положение — рядом с Россией, близко к наиболее развитой западной части с ее культурными центрами — Москвой и Петербургом. Русскоязычная диаспора в Балтии не просто этнокультурная община, но часть народа огромного соседнего государства (в отличие, например, от китайской диаспоры в США). Территориальная близость исторической родины стала мощным дополнительным стимулом для консолидации диаспоры.

Динамика социальной структуры диаспоры

К моменту обретения независимости прибалтийских республик в 1991 году русскоязычная диаспора состояла из восьми социокультурных групп.

1. Проживающие здесь еще с довоенных или даже с дореволюционных лет, включая многочисленную общину староверов. Эта группа полностью интегрирована в окружающее общество. В 1993 году около 130 тыс. потомственных россиян в Латвии и около 100 тыс. в Эстонии получили гражданство.

2. Представители российской интеллигенции, наиболее известные среди которых — Ю. Лотман, Б. Егоров, М. Бронштейн, Д. Самойлов, Л. Столович в Эстонии, Ю. Абызов, Н. Задорнов, Р. Тименчик, В. Дозорцев, Л. Коваль в Латвии, К. Воробьев и Я. Канович в Литве, поселившиеся здесь после войны, так как в Прибалтике идеологическое давление ощущалось намного слабее, чем в Москве и Ленинграде. Это самая немногочисленная, но наиболее авторитетная группа. Ее представители оказали огромное влияние на культурное развитие этого региона. «Многие ученые, для которых родным языком является русский, — замечает в связи с этим Т. Мацулевич, один из основателей эстонской политической партии Res Publica, — оказавшие волею судеб в Эстонии, много сделали для развития науки. Без этих людей культура и духовная жизнь Эстонии многое бы потеряли» [19, л. 34].

3. Более крупная группа, которую составили инженеры, врачи, учителя, экономисты, театральные деятели, журналисты и т. п. В формировании этой группы основную роль сыграли приглашения конкретных специалистов, распределение после окончания вузов.

4. Высококвалифицированные рабочие и младший технический персонал, занятые освоением новых технологий на крупных предприятиях, построенных в период послевоенной индустриализации прибалтийских республик.

Переезд представителей второй, третьей и четвертой групп в Прибалтику, вызванный производственной необходимостью, способствовал повышению творческого и профессионально-технического потенциала республик.

В целом представители этих групп вызывали у титульного населения благоприятное отношение.

В пятую группу входили офицеры ПрибВО и члены их семей. Если их временное пребывание регламентировалось приказом и выполняющие его были по существу людьми подневольными, то отставники, обладающие в те годы многочислен-

ными льготами и составившие шестую группу, жителями Прибалтики становились по личным предпочтениям. Естественно, это не вызвало позитивной оценки коренных жителей.

Следующие две группы имели самый низкий общественный статус.

7. Средставители рядового состава срочной службы, которым после отбытия воинской повинности удалось там остаться, закрепиться, а затем и перевезти своих родственников («иммиграционный шлейф»).

И наконец, восьмая группа — «поздние мигранты», самая многочисленная (около 40 % диаспоры) и самая малообразованная: переехавшие по оргнабору или лимиту строить крупнейшие хозяйственные объекты союзного значения (Ново-Таллинский порт, химический комплекс в г. Олайне, завод им. Попова в Риге, Игналинскую атомную электростанцию, различные объекты в Эстонии к Олимпийским играм 1980 года и т. п.). Состав этой группы — сельские жители наиболее бедных регионов — российского Нечерноземья, в основном из соседних Ленинградской и Псковской областей, для которых по тем временам переезд в благополучную Прибалтику был несомненным жизненным успехом. Представители этих групп настороженно воспринимались титульным населением [20].

Эти группы резко различались по ряду признаков, в том числе и по общественно-политическому. Так, на фоне социальной индифферентности седьмой и восьмой групп высокой гражданской активностью отличались представители первых четырех групп, которые к тому же выдвинули из своей среды всех лидеров диаспоры.

Таким образом, к моменту распада СССР русскоязычная диаспора в странах Балтии отличалась неоднородностью во всех отношениях — социальном, идеологическом, культурном. Ее значительное расслоение по нескольким критериям сохраняется и в настоящее время.

Критерий правовых отношений с государством проживания

В Литве был принят закон о гражданстве, согласно которому гражданином страны мог стать любой житель независимо от его национальности и сроков проживания («нулевой вариант») — в этом плане русскоязычная диаспора оказалась гомогенной. В Латвии и Эстонии, наоборот, ее составляют три социальные группы с резкими различиями общественно-политического статуса: граждане страны пребывания, граждане России, неграждане.

В настоящее время в Латвии из 530 тыс. русских 341 тыс. — граждане Латвии, 137 тыс. — неграждане, 52 тыс. — граждане России. В Эстонии из 327 тыс. 172 тыс. — граждане Эстонии, 69 тыс. — неграждане, 86 тыс. — граждане России (6,4 % населения)⁴.

Неграждане — необязательно русские: среди общего количества русских жителей Латвии неграждан всего 26,1 %, среди 22 тыс. украинцев — 41,8 %, а среди 31 тыс. белорусов — 44,9 %.

Правительства Латвии и Эстонии в 1990-х годах потратили много усилий, чтобы ограничить участие русскоязычных в политической жизни. Негражданство — плод этих усилий, который является основным препятствием для интеграции российской диаспоры в полноценную общественную жизнь, лишает значительную часть населения представительства в парламенте и определяет политический режим как этнократию.

Основной мотив отказа от получения гражданства — морально-этический: предложение жителям обращаться за гражданством в собственной стране воспринимается как несправедливость. Уважающему себя взрослому человеку приходится

⁴ Эстония является вторым после России государством по доле проживающих российских граждан.

доказывать чиновнику свою социальную полноценность. К этому надо добавить общий обидный, а подчас даже оскорбительный тон документов. Например, русскому человеку необходимо сдать экзамен по истории Латвии на основе учебных пособий, в которых образ России выглядит искаженным. Что касается молодых людей, то получение паспорта гражданина означает необходимость служить в армии, где в качестве противника фигурирует Россия.

Неграждане ограничены в профессиональной деятельности: не могут занимать должности в государственных учреждениях, не могут служить в армии, в правоохранительных органах. Наиболее жесткие ограничения негражданам установлены в Латвии, где зафиксировано 80 различий между правами граждан и неграждан Латвии [21—23].

В отличие от Латвии неграждане Эстонии могут участвовать в выборе самоуправлений. Это право ограничено пятилетним цензом оседлости на территории местного самоуправления. Данная правовая норма, возникшая в связи с особой этнической ситуацией в Ида-Вирумаа, обеспечила во многих крупных городах, в том числе в столице, доминирование в городском управлении представителей Центристской партии, пользующейся широкой поддержкой русскоязычного электората.

Гражданский статус коррелирует с возрастом. Так, в Латвии 86,8 % неграждан составляет возрастная группа свыше 40 лет. В то же время среди русскоговорящей молодежи 18—25 лет граждан Латвии — 93,4 %.

При этом у неграждан есть свои предпочтения. С 1 января 2007 года Евросоюз наделил их правом безвизового передвижения по всей территории сообщества, после чего темпы получения натурализации негражданами резко сократились. С 18 июня 2008 года лица без гражданства, проживающие в Эстонии и Латвии, получили возможность приезжать без оформления виз и в Россию.

Следует отметить, что большинство эстонцев отрицательно относятся к институту негражданства. По данным исследования Таллинского университета совместно с социологической фирмой Saar Poll, проведенного в декабре 2012 года, 74,8 % эстонцев считали экзамен на гражданство несправедливым [24].

Наиболее существенным ограничением в социально-экономической сфере было лишение неграждан прав владения крупной собственностью в процессе приватизации в 1990-х годах. По господствующему тогда мнению национал-радикальных законодателей, русскоязычные, лишённые полноценных гражданских прав, должны были вернуться в Россию. Но этого не произошло. Отчуждённые от крупного, неграждане стали осваивать малый и средний бизнес. В то время как эстонцы и латыши занимали освободившиеся кресла в государственных учреждениях, русскоязычные успешно осваивали коммерческую деятельность, что дало основание премьер-министру Латвии В. Биркавсу в феврале 1994 года искать сочувствия в Еврокомиссии, так как «русские контролируют предпринимательство в Латвии» (Цит. по: [25]).

Социально-экономический критерий

Кризис переходного периода в большей степени затронул русскоязычных, занятых в основном на крупных государственных предприятиях, вскоре остановившихся. Структурные перемены в экономике, связанные с переходом к рынку, коснулись прежде всего квалифицированных рабочих и младший технический персонал. Национал-радикалы до сих пор гордятся разрушением крупных предприятий, так как, по их мнению, это позволило избавиться от «чуждой» рабочей силы.

До последнего времени бытовало мнение, что овладение языком титульного этноса с последующим получением гражданства автоматически уравнивает шансы русскоговорящих в сфере экономической деятельности. В реальности оказалось, что знание государственного языка действительно повышает шансы русскоязыч-

ных, но вовсе не уравнивает их с титульными этносами. Экономические отношения оказались включенными в политические. По данным официальной статистики, в среднем доходы нетитульных этносов на 10—12 % меньше, чем титульных.

Около 20 % представителей диаспоры заняты в сфере бизнеса, в том числе в мелкооптовой торговле, около 15 % — в сфере образования, здравоохранения, гостиничных, бытовых, консалтинговых и информационных услуг. Примерно 27 % — в промышленном производстве, на транспорте (русскоязычные составляют большинство водителей автобусов, такси, грузовых автомашин), в строительстве (здесь зачастую полулегально). Значительная часть квалифицированных рабочих выезжают на заработки в страны Западной Европы. Около 28 % — пенсионеры, куда входят и офицеры-отставники, которым пенсионное пособие (значительно превышающее местную пенсию по старости) выплачивает Министерство обороны РФ. Остальные (8—10 %) — безработные.

Пенсионное обеспечение в странах Балтии соответствует нормам Евросоюза. Как неграждане, так и граждане РФ, постоянно проживающие на территории Латвии и Эстонии, получают пенсию по старости по достижении установленного законодательством на текущий период пенсионного возраста при наличии минимального трудового стажа (не менее 15 лет). Средний размер пенсии по старости в 2021 году в Латвии — 320 евро, в Литве — 440 евро, в Эстонии — 520 евро. Эти различия связаны с величиной ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС), который в этих странах достаточно высок. По данным МВФ 2021 года, в Латвии он составил 31 509 дол., в Литве — 38 824 дол., в Эстонии — 37 745 дол. (для сравнения в России — 27 930 дол.) Но не менее важно то, как распределяется валовый продукт.

Для оценки экономического неравенства используется индекс Джини: чем больше его величина отклоняется от нуля и приближается к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы у отдельных групп населения. Этот показатель рассчитывается по официальным данным, теневая экономика здесь не учитывается. В 2020 году, по данным ООН, индексы Джини Латвии (34,5), Литвы (35,6) и Эстонии (34,2) хотя не достигли уровня классических социальных государств Северной Европы — Дании (25,2), Швеции (25,6) и Финляндии (26,3), но заметно отделились от России (41,8). Это означает, что в целом в государствах Прибалтики экономическое неравенство не является острой социальной проблемой.

При этом следует отметить более глубокую социально-экономическую поляризацию русскоязычной диаспоры по сравнению с титульным населением. Это находит отражение в рейтингах: так, в 2005—2011 годах из десяти самых богатых людей Латвии семеро были русскоязычными — факт беспрецедентный для Евросоюза. И сегодня среди прибалтийских миллионеров немало русскоязычных.

Экономическое развитие стран Балтии обусловлено тремя факторами. Во-первых, материально-технической базой, научным и профессионально-образовательным потенциалом, созданными в советский период. Во-вторых, эффективно, под строгим общественным контролем проведенными хозяйственными реформами в 1990-х годах, итогом которых стала техническая модернизация. В-третьих, финансовой помощью Евросоюза.

Уже в 2015 году Латвия, Литва и Эстония сумели почти в два раза сократить разницу по показателю ВВП (ППС) со «старыми» (ЕС-15) государствами Евросоюза. После кризиса 2008/09 года доходы населения стран Балтии до пандемии 2020 года постоянно возрастали (в Литве и в 2020 году был прирост в 0,34 %).

За прошедшие 30 лет после распада СССР произошла адаптация русскоязычного населения к своему новому положению. Разумеется, не все слои диаспоры оказались равно восприимчивыми к произошедшим после распада СССР переменам. Наибольший иммунитет оказался у представителей седьмой и восьмой социальных групп.

С одной стороны, казалось, что более высокий культурный и профессиональный уровень, знание языка, толерантность первых четырех групп создает им большие возможности для преодоления травматического шока. Но с другой — образованность и сопутствующая ей повышенная рефлексия делают людей наиболее восприимчивыми к деструктивным явлениям. Менее статусные группы оказываются лучше адаптированными к драматическим событиям, они в большей степени обладают опытом и навыками преодоления травмы, тем более что не слишком глубоко ее переживают. Это помогает им быстрее приспособиться к новым условиям. Характерно, что представители этих групп первыми начали отдавать своих детей в школы с преподаванием на титульных языках.

Важным источником доходов жителей стран Балтии является приграничное сотрудничество с Россией. Приграничные районы традиционно имеют особый благоприятный режим внешней торговли товарами и услугами. Решением Еврокомиссии в августе 2014 года приграничное сотрудничество с Россией было выведено из санкционного режима. В соседних с Россией районах стран Балтии большинство или значительную часть населения составляют русскоязычные. В Латвии — это восточные волости Латгалии (Бальская, Лудзенская, Карсавская), в Эстонии — Ида-Вирумский уезд, в Литве — Клайпедский уезд, где проживают около 40 тыс. русских (22 % общей численности русских). Отсутствие точных статистических данных о доходах населения в рамках приграничной торговли, как и закрытость теневой экономики, усложняют сравнительный анализ материального благосостояния титульных и нетитульных этнических групп.

К настоящему времени в странах Балтии сформировалась многонациональная, но в целом достаточно единая русскоязычная община, характеризующаяся коллективной установкой: в первые постсоветские годы она научилась, с одной стороны, не чересчур активно выступать против государственного законодательства и политических институтов, а с другой — не в полной мере считаться с фактом их существования. В этом смысле больших различий в стратегии социального поведения между диаспорой в Балтии и жителями нынешней России нет. Другими словами, наши соотечественники, проживающие в этих странах, привычно осуществляют тот психологический механизм самозащиты, который сформировался во времена тоталитарного режима, — социально-психологический рестрикционизм, в практической реализации которого наш народ в XX веке достиг больших успехов [26], а события на Украине заставили власть в этих странах больше считаться с русскоязычным населением. За последние восемь лет произошло заметное повышение политической роли диаспоры в Прибалтике [27].

Критерий идентичности

Сегодня разница в самоощущении с Латвией, Литвой или Эстонией заметна не столько между возрастными группами, сколько между теми, кто родились в стране проживания, и теми, кто родились за ее пределами. При этом даже те, кто не родился в стране проживания, считают ее своим родным домом — здесь работал, создал семью, вышел на пенсию, словом, прожил всю жизнь. Большинство русских, родившихся в Прибалтике, особенно представители старшего поколения, в том числе вся община старообрядцев, считают страны проживания своей родиной, однако идентифицируются с Россией (считают себя русскими по этническому происхождению). При этом русские старшего поколения, родившиеся в России, имеют более сильную локальную идентичность в странах проживания. Так, слова «рижанин», «клайпедчанин», «нарвитянин» русскоязычными употребляются значительно чаще, чем представителями титульного этноса.

Среднее поколение более склонно считать себя латвийскими, литовскими, эстонскими русскими, поскольку родители — русские; они гордятся русской культурой, но их социальные связи с Россией слабы, у них нет стремления туда переехать.

Представители всех поколений в той или иной мере идентифицируют себя с Россией, при этом представители младшего поколения в большей степени идентифицируются не со страной (географически), а с русской культурой. Многие представители старшего поколения больше чувствуют связь не с современной Россией, а с Советским Союзом, хотя и среди молодежи многие признают влияние СССР с преобладавшей в нем русской культурой [28; 29].

Что касается напряжения между двумя общинами, то в старшей возрастной группе оно больше связано с незнанием языка титульного этноса, но при этом этническое напряжение и этническая нетерпимость, обращенные против русских, на сегодняшний день, в сравнении с 1990-х годами, существенно меньше.

Двухобщинность порождает два информационных пространства: одна часть населения получает информацию на титульном, другая — на русском языке, и эти пространства почти не пересекаются. Большинство аналитиков приходят к выводу, что обоюдная изоляция титульных и русскоязычных общин со сменой поколений будет постепенно уменьшаться, так как молодое поколение более восприимчиво к мультикультурности.

Сегодня в странах Балтии уже вошло в активную социальную жизнь новое поколение русских, потомки тех самых «поздних мигрантов» 1970—1980-х годов. Многие из них никогда не видели своей исторической родины. Этим молодым людям гораздо ближе Стокгольм или Франкфурт-на-Майне, чем Москва или Нижний Новгород. Для них гораздо важнее утвердиться в социально-экономической, а не в политической жизни. Получив гражданство, они не торопятся к избирательным урнам, что, естественно, вызывает досаду лидеров партий, ориентированных на развитие отношений с Россией («Согласие» и ЗаПЧЕЛ в Латвии, центристы в Эстонии, социал-демократы в Литве). Еще большую досаду они испытывают от стойкого нежелания многих русских, особенно из старших возрастных групп, получать это гражданство.

Молодые русскоязычные в Балтии отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. Как правило, они владеют не только языком титульного населения, но и английским. С самого начала они не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание. Многие из них успешно освоили торговлю, банковское дело, финансовые операции, информационные технологии, установили деловые контакты на Западе.

Если представители титульных национальностей больше используют ориентированные на них государственные формы обучения — специальные муниципальные школы с углубленным изучением предмета, курсы, кружки, бесплатные секции и т. п., то русскоязычным приходится более интенсивно пользоваться альтернативными формами — частными школами, наймом платных репетиторов и др., требующими оплаты из собственных средств. Понятно, что во втором случае мотивация, как правило, выше. Кроме того, русскоязычных отличают взгляды на будущее. Титульное население, создав определенный капитал, в полной мере реализуют свои потребительские интересы. Разумеется, и русскоязычные стремятся к этому тоже, но все-таки чаще они предпочитают учебу и получение хорошей квалификации. При этом они отличаются меньшей политической активностью еще и потому, что у них не хватает свободного времени, так как в целом значительно больше, чем титульное население, заняты на работе. Они легче поступают в европейские и американские университеты, успешнее стажироваются в зарубежных фирмах. Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую

роль наряду с национальным играет региональное сознание (понятие «балтийские русские» находится в ряду таких понятий, как «уральцы», «волжане», «сибиряки»). Молодых русскоязычных в странах Балтии можно определить как носителей амбивалентной этнической психологии. Она характеризуется отсутствием полного, некритичного погружения в свою культуру и дистанцированием от элементов иной культуры, отрицающей базовые национальные ценности. Сочетание европейского опыта ведения бизнеса с широтой и универсальностью русского этноса повышает созидательный потенциал диаспоры.

Между молодыми поколениями двух основных общин в Балтии складываются уже качественно иные межэтнические отношения, это уже диалог суверенных сознаний. Молодые бизнесмены титульных этносов, которые в недалеком будущем заменят нынешних политиков, строят свое социальное поведение по законам рыночной рациональности. Оставаясь на своих национальных позициях, они меньше обеспокоены сохранением латышского или эстонского языков, которые испытывают все большее давление английского. Они более склонны к межэтническому сотрудничеству. Русскоязычная диаспора в странах Балтии способствует тенденциям выхода за рамки их традиционного идентитета в процессе развития глобально-региональной диалектики.

Заключение

Среди сопредельных с Россией территорий Балтийский регион имеет особое значение — здесь наша страна непосредственно граничит с Европейским союзом — одним из основных акторов (наряду с США и Китаем) формирования новой конфигурации мир-системы, при этом исторически и цивилизационно наиболее близким. Русскоязычная диаспора в этом геостратегическом регионе имеет весомый потенциал взаимодействия России и ЕС, основанный на уникальных особенностях диаспоры. В их числе — исторические («Русской Балтии» более 300 лет), демографические (в мире нет диаспор с такой большой долей в составе населения), экономические (основательные позиции в экономике стран Балтии), расселенческие (в отличие от дисперсного в других странах — компактное проживание, что способствует сохранению идентичности), географические (непосредственное соседство с Россией), управленческие (широкое представительство в органах государственного и муниципального управления), геополитические (места проживания диаспоры — столицы, крупные промышленные центры, морские порты), инфраструктурные (широкая сеть культурных, образовательных, информационных и профессиональных учреждений), языковые (значительная часть титульного населения владеет русским языком, молодежь диаспоры — титульными языками).

Все это определяет как автономность и устойчивость, так и значение и перспективы единственного российского ареала в Евросоюзе. События на Украине повысили политическую роль российской диаспоры в Прибалтике.

Список литературы

1. Кабузан, В. М. 2009, *Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX—XX вв. (1795—2000)*, М.
2. Арутюнов, С. А. 2000, Диаспора — это процесс, *Этнографическое обозрение*, № 2, с. 74—78.
3. Дятлов, В. И. 2004, Диаспора: экспансия термина в общественную практику России, *Диаспоры*, № 3, с. 126—132.
4. Милитарев, А. Ю. 2005, О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниций), *Диаспоры*, № 3, с. 8—18.
5. Попков, В. Д. 2002, «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина, *Диаспоры*, № 1, с. 6—22.

6. Тишков, В. А. 2000, Исторический феномен диаспоры, *Этнографическое обозрение*, № 2, с. 43—63.
7. Sheffer, G. 2003, *Diaspora Politics: At Home Abroad*, New York.
8. Shuval, J. T. 2012, Diaspora Migration: Definitional Ambiguities and a Theoretical Paradigm, *International Migration*, vol. 38, № 5, p. 37—49.
9. Gylys, P. 2013, *Ekonomika, antiekonomika ir globalizacija*, Vilnius.
10. Рыбачук, Д. А. 2017, Русская диаспора в Канаде, *Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Избранные труды научно-практической конференции ДВФУ*, Владивосток.
11. Зеньковский, С. 2017, *Русское старообрядчество*, Минск.
12. Филюшкин, А. И. 2005, Война за Прибалтику как «Священная война» в истории России и Европы, *Материалы международной научной конференции «Балтийский регион в истории России и Европы»*, Калининград, с. 57—66.
13. Гурин, А. Г. 2015, *Рига в русском сознании*, М.
14. Фейгмане, Т. Д. 2012, *Русские общества в Латвии (1920—1940 гг.)*, Рига.
15. Сергеев, В. П. 2005, Общественные организации русского национального меньшинства в Эстонской Республике в 1920—1940 гг., *Новый исторический вестник*, № 12, с. 91—109.
16. *Прибалтийские русские: история в памятниках культуры*, 2014, Рига.
17. Абызов, Ю. И. 2000, Концепция евразийства и латвийские русские, *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике*, Т. 4. Рига, с. 165—188.
18. Хейно, Х. 2007, Массовое сознание русских и их религиозность в условиях национального меньшинства (русские в современной Эстонии). В: *Старые церкви, новые верующие*, М. ; СПб.
19. Matsulevičs, T. 2013, Mālu professor R. Blumi, *Vikerkaar*, № 6, p. 29—38.
20. Кочегарова, Т. М. 2016, Россияне и коренные народы стран Балтии: истоки взаимного восприятия, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 211—229.
21. Полищук, В. В. 2017, Особенности политического участия русскоязычного населения Эстонии и Латвии, *Этнографическое обозрение*, № 2, с. 9—23.
22. Бузаев, В. В. 2012, *Правовое положение русскоговорящих меньшинств в Латвии*, Рига.
23. Симонян, Р. Х. 2006, Проблема негражданства в странах Балтии, *Государство и право*, № 3, с. 51—59.
24. Saar, A. 2012, Muutused avalikus arvamuses, *Looming*, № 2, p. 43—47.
25. Кочегарова Т. М. 2012, Российская диаспора в Латвии: перемены за прошедшее десятилетие, *Восточная Европа*, № 1—2, с. 31—39.
26. Симонян, Р. Х. 2004, Перемены в массовом сознании российской диаспоры в странах Балтии, *Психологический журнал*, № 2, с. 43—54.
27. Симонян, Р. Х. 2019, Страны Балтии в контексте украинского кризиса, *Мировая экономика и международные отношения*, № 9, с. 61—68.
28. Tabuns, A. 2016, Identity, Ethnic Relations, Language and Culture. In: Muiznieks, N. *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*, University of Latvia Press.
29. Матулионис, А., Фреюте-Ракаускене, М., 2014, Идентичность русской этнической группы и ее выражение в Литве и Латвии. Сравнительный анализ, *Мир России*, № 1, с. 87—114.

Об авторе

Ренальд Хикарович Симонян, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр европейских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия

E-mail: simonyan.renald@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9364-4363>

THE RUSSIAN-SPEAKING DIASPORA IN THE BALTIC STATES: A SOCIO-CULTURAL ASPECT

R. H. Simonyan

MGIMO-University
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

Received 24.03.2022
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-9
© Simonyan, R. H., 2022

Currently, more than 20 million Russians permanently reside outside Russia. As migration trends show, their number will be increasing in the future. The Russian-speaking diaspora in the Baltic States is an essential part of the Russian community abroad. Latvia, Lithuania, and Estonia used to be a single state with Russia for a long time. It could not but affect the formation of these countries as subjects of international politics. Since May 2004, the Baltic States have been members of the European Union. Together with Finland, they constitute the EU's border space with Russia. To a large extent, it determines their geopolitical role in Europe. The article examines the Russian-speaking diaspora in the Baltic States. It substantiates the factors facilitating its stability and the preservation of the Russian cultural space, analyses the socio-economic and legal status of different groups of Russian-speaking residents, and identifies the peculiarities of various groups of the Russian-speaking population as well as prospects for the development of the diaspora.

Keywords:

Russia-EU border area, Russian-speaking diaspora, factors of sustainability and development

Reference

1. Kabuzan, V. M. 2009, *Formirovanie mnogonatsional'nogo naseleniya Pribaltiki (Estonii, Latvii, Litvy, Kaliningradskoi oblasti Rossii) v XIX—XX vv. (1795—2000)* [Formation of the multinational population of the Baltic States (Estonia, Latvia, Lithuania, the Kaliningrad region of Russia) in the 19th—20th centuries. (1795—2000)], Moscow (in Russ.).
2. Arutyunov, S. A. 2000, Diaspora is a process, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], № 2, p. 74—78 (in Russ.).
3. Dyatlov, V. I. 2004, Diaspora: the expansion of the term into Russian public practice, *Diaspory* [Diasporas], № 3, p. 126—132 (in Russ.).
4. Militarev, A. Yu. 2005, On the content of the term “diaspora” (to develop definitions), *Diaspory* [Diasporas], № 3, p. 8—18 (in Russ.).
5. Popkov, V. D. 2002, “Classical diasporas”: on the question of the definition of the term, *Diaspory* [Diasporas], № 1, p. 6—22 (in Russ.).
6. Tishkov, V. A. 2000, The Historical Phenomenon of the Diaspora, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], № 2, p. 43—63 (in Russ.).
7. Sheffer, G. 2003, *Diaspora Politics: At Home Abroad*, New York.
8. Shuval, J. T. 2012, Diaspora Migration: Definitional Ambiguities and a Theoretical Paradigm, *International Migration*, vol. 38, № 5, p. 37—49.
9. Gylys, P. 2013, *Ekonomika, antiekonomika ir globalizacija*, Vilnius.
10. Rybachuk, D. A. 2017, Russian Diaspora in Canada, *Rossiya v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione. Izbrannye trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii DVFU* [Russia in the Asia-Pacific region. Selected works of the scientific-practical conference of FEFU], Vladivostok (in Russ.).
11. Zenkovsky, S. 2017, *Russkoe staroobryadchestvo* [Russian Old Believers], Minsk (in Russ.).

12. Filyushkin, A. I. 2005, The War for the Baltic States as a “Holy War” in the history of Russia and Europe, *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Baltiiskii region v istorii Rossii i Evropy»* [Proceedings of the international scientific conference “The Baltic region in the history of Russia and Europe”], Kaliningrad, p. 57—66 (in Russ.).
13. Gurin, A. G. 2015, *Riga v russkom soznanii* [Riga in the Russian mind], Moscow (in Russ.).
14. Feigmane, T. D. 2012, *Russkie obshchestva v Latvii (1920—1940 gg.)* [Russian Societies in Latvia (1920—1940)], Riga.
15. Sergeev, V. P. 2005, Public organizations of the Russian national minority in the Republic of Estonia in 1920—1940, *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical bulletin], № 12, p. 91—109 (in Russ.).
16. *Pribaltiiskie russkie: istoriya v pamyatnikakh kul'tury* [Baltic Russians: history in cultural monuments], 2014, Riga (in Russ.).
17. Abyzov, Yu. I. 2000, *Baltiiskii arkhiv. Russkaya kul'tura v Pribaltike* [Baltic Archive. Russian culture in the Baltics], vol. 4, Riga.
18. Heino, H. 2007, Mass consciousness of Russians and their religiosity in the context of a national minority (Russians in contemporary Estonia). In: *Starye tserkvi, novye veruyushchie* [Old churches, new believers], M. — SPb (in Russ.).
19. Matsulevičs, T. 2013, Mālu professor R. Blumi, *Vikerkaar*, № 6, p. 29—38.
20. Kochegarova, T. M. 2016, Russians and Indigenous Peoples of the Baltic States: Origins of Mutual Perception, *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], № 2, p. 211—229 (in Russ.).
21. Polishchuk, V. V. 2017, Features of the political participation of the Russian-speaking population of Estonia and Latvia, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], № 2, p. 9—23 (in Russ.).
22. Buzae, V. V. 2012, *Pravovoe polozenie russkogovoryashchikh men'shinstv v Latvii* [Legal status of Russian-speaking minorities in Latvia], Riga (in Russ.).
23. Simonyan, R. Kh. 2006, The problem of non-citizenship in the Baltic States, *Gosudarstvo i pravo* [State and law], № 3, c. 51—59 (in Russ.).
24. Saar, A. 2012, Muutused avalikus arvamuses, *Looming*, № 2, p. 43—47.
25. Kochegarova T. M. 2012, Russian diaspora in Latvia: changes over the past decade, *Vostochnaya Evropa* [Eastern Europe], № 1—2, p. 31—39 (in Russ.).
26. Simonyan, R. Kh. 2004, Changes in the mass consciousness of the Russian diaspora in the Baltic countries, *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], № 2, p. 43—54 (in Russ.).
27. Simonyan, R. Kh. 2019, The Baltic States in the context of the Ukrainian crisis, *World Economy and International Relations*, № 9, p. 61—68.
28. Tabuns, A. 2016, Identity, Ethnic Relations, Language and Culture. In: Muižnieks, N. *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*, University of Latvian Press.
29. Matulionis, A., Freite-Rakauskiene, M., 2014, Identity of the Russian ethnic group and its expression in Lithuania and Latvia. Comparative analysis, *Mir Rossii*, № 1, p. 87—114.

The author

Prof. Renald H. Simonyan, MGIMO University, Russia.

E-mail: simonyan.renald@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9364-4363>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))